

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ОЛЕНЕВОДСТВА КОМИ-ИЖЕМЦЕВ СЕВЕРНОГО ЗАУРАЛЬЯ (XIX – ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XX в.)

*Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект № 19-59-22008
«Развитие Западной Сибири в XIX – начале XXI в.: социально-экологические аспекты».*

Рассматривается роль глобальных климатических процессов (малого ледникового периода) в трансформации традиционной хозяйственной структуры коми-ижемцев (становление крупнотабунного оленеводства) и миграциях коми-оленьеводов на территорию Северного Зауралья, а также адаптация оленеводческого комплекса коми-ижемцев к природным условиям Нижнего Приобья. Освещаются традиционные природоведческие знания оленьеводов, взаимодействие природной среды и оленеводческой отрасли хозяйственной структуры региона и результаты этого взаимодействия для ландшафтно-рельефных систем и биоценозов.

Ключевые слова: коми-ижемцы; оленеводство; природоведческие знания; изменения природной среды; малый ледниковый период.

Оленеводство вкупе с охотничьим и рыболовецким промыслами справедливо считаются основой традиционной хозяйственной структуры аборигенных народов Северного Зауралья. Однако и русское население уже на раннем этапе хозяйственного освоения края пыталось заниматься оленеводством. Так, в середине XVIII в. оленей держали березовцы и сургутяне. Правда, выпасом оленей они не занимались, доверяя свои стада наемным пастухам-аборигенам или присовокупляя своих оленей к стадам аборигенов на определенных условиях. В тундру русские владельцы стад наведывались только за тем, чтобы пересчитать и «перепятнать» принадлежавших им животных. К середине XIX в. только березовским горожанам принадлежало 6 тыс. оленей. Размеры стада отдельных владельцев варьировались от 10 до 700 голов. Большая часть этих оленей содержалась на выпасе у «инородцев Обдорской волости» [1. С. 78–79].

Примерно так же происходило становление оленеводства у коми-ижемцев на Печоре. Коми уже в середине XVII в. имели оленей, но не занимались оленеводством самостоятельно, предпочитая отдавать своих немногочисленных животных ненцам-оленьеводам на выпас [2. С. 20]. Однако, в отличие от березовцев и сургутян, коми-ижемцы со временем перешли к отгонному оленеводству, перенимая соответствующие навыки у ненцев Большеземельской тундры [3. С. 164, 166]. К середине XIX в. крупнотабунное отгонное оленеводство стало основой хозяйственной структуры Ижемского края [4. С. 135]. Уже в 40-х гг. XIX в. ижемцы на Печоре владели 120 тыс. голов оленей. К концу XIX в. оленьеводам из числа коми принадлежало 70% поголовья оленей Печорского уезда [5. С. 112–115; 6. С. 120, 125]. Постоянный рост стада обуславливался товарным характером ижемского оленеводства – это коренным образом отличало оленеводство коми от ненецкого и требовало постоянного расширения площади кочевий. Решающим фактором перехода ижемцев к кочевому оленеводству и к миграционной хозяйственной стратегии стал фактор климатический. Речь идет о так называемом малом ледниковом периоде (МЛП), длившемся с XIV в. до середины XIX в. В МЛП выделяются три фазы, различающиеся по тепловлагообеспеченности и структу-

ре погод. Нисходящая фаза (похолодание) – до 1600 г., ядро (стабильно холодный климат) – 1600–1800 гг., восходящая фаза (потепление) – 1800–1850 гг. Указанные временные границы приблизительны и не отражены резкими климатическими изменениями [7. С. 9]. Размыты временные границы отдельных фаз МЛП еще и в силу ограниченных возможностей инструментария, применяемого в науке для соответствующих реконструкций. Различные естественнонаучные методы, применяемые в палеоклиматологии (споро-пыльцевые данные, изотопный метод, гляциологические исследования, дендрологические исследования, геотермический метод палеоклиматических реконструкций по термограммам скважин) не дают однозначного ответа о сроках прохождения отдельных фаз МЛП [8. С. 7–21].

Между тем, как будет показано ниже, немалым эвристическим потенциалом в решении данной проблематики обладает историческая наука. Так, согласно предварительным результатам исследований в этой области автора данной статьи, в Западной Сибири, включая Северное Зауралье, потепление начинает сказываться на хозяйственной структуре и миграционных процессах в 1760–1770-е гг. [9]. К такому же выводу в отношении Русского Севера пришел И.Л. Жеребцов: «В XVIII в., и особенно в последней его трети, историко-демографическое развитие Севера вступило в период постепенной стабилизации. Прошел пик малого ледникового периода, и климат стал улучшаться, постепенно становиться более мягким, более благоприятным для ведения сельского хозяйства». Под «стабилизацией историко-демографического развития» И.Л. Жеребцов понимает устойчивый демографический рост. Так, население Коми края в целом с конца XVIII до середины XIX в. выросло почти вдвое: с 58 до 110 тыс. человек [10. С. 4–5]. У ижемцев в это же время ситуация граничит с демографическим взрывом. Всего за 25 лет (1829–1855) число жителей Ижемской и Усть-Целемской волостей увеличилось в 2,2 раза [11. С. 52]. Потепление и вызванный им демографический рост стали причиной миграционной активности коми-ижемцев: «Более теплый период способствовал усилению миграционной активности ижемских коми, их переселе-

ниям в крайние северные и северо-восточные районы Коми края, в Нижнее Приобье и даже на Кольский полуостров» [10. С. 72]. Причем всплески миграционных волн поднимались и в связи с локальными кратковременными колебаниями климата. Так, в 1835–1837 гг. на общем фоне потепления в Архангельской губернии отмечались возвратные морозы, погубившие посевы [12. С. 85]. Поскольку в Северном Зауралье присваивающе-производящая хозструктура уже переселившихся сюда ижемцев, по-видимому, никак не пострадала от этого катаклизма, сюда немедленно устремилась новая миграционная волна. Свидетельством тому является появившееся с конца 1830-х гг. в метрических книгах церквей Березовского края большое количество записей коми фамилий [13. С. 224]. Подобное положение дел имело место быть и в конце 1870-х – начале 1880-х гг. В 1913 г. Д.Д. Иевлеву некто Яков Попов, «старик-поселенец» из Яр-Пи-Яка (р. Уса), рассказывал о страшном голоде, который в конце 70-х – начале 80-х гг. XIX в. изнурял население Ижемского края: «Лет 40 тому назад... пришло на Уссу в разные места много народу с р. Ижмы. Голод там был, хлеба купить нельзя было, промысел плохой, вот и пошел туда народ, кто на Уссу, кто в Сибирь, в Березов, в Мужы, в Обдорск. По Уссе тогда промыслы были сильно хорошие и рыбы, и зверя, и птицы вдоволь. В Ижме в те годы вместо муки хлеб из мха делали» [14. С. 18].

Есть и другие свидетельства о наплыве зырян-ижмцев в Обдорскую волость в начале 80-х гг. XIX в. [15. Л. 37]. Растет в 1880-е гг. миграционная активность коми и в пределах Сосьвинско-Ляпинского бассейна [13. С. 225]. Тогда же из Ижмы двинулась первая партия переселенцев на запад в Мурманское заполярье [11. С. 52]. Таким образом, потепление климата расширило возможности комплексного присваивающе-производящего хозяйства на Печоре, но вызванный этим рост населения, в свою очередь, ограничил возможности этого хозяйства. Выходом стали не только миграции, но и переход к крупнотабунному оленеводству. Согласно последним исследованиям, эта отрасль хозяйства складывается у ижемцев «к середине или даже второй половине 18-го столетия» [16. С. 25]. В очень короткие сроки именно крупнотабунное оленеводство становится «основным источником пропитания» для растущего населения и, в свою очередь, стимулирует миграционные потоки [4. С. 135].

Возможно, первая волна миграции коми-ижмцев на Нижнюю Обь также началась в самом начале восходящего периода МЛП, во всяком случае, с 1770-х по 1781 гг. население Обдорска (Салехарда) увеличилось с 5 до 9 дворов [17. С. 345; 18. С. 310]. Переселившиеся на Нижнюю Обь и предпочитавшие кочевому образу жизни оседлый коми поступали с принадлежавшими им оленями так же, как сургутяне и березовцы. С той лишь разницей, что со временем появилась возможность отдавать оленей на выпас не только аборигенам, но и кочующим зырянам. С большой степенью вероятности именно так поступали упоминаемые ниже хозяева оленей. В 1922 г. жительница д. Ныда, зырянка А.Г. Конева владела 1 000 голов оленей. Поскольку она со своими четырьмя мало-

летними детьми постоянно проживала в собственном деревянном доме, это означает, что олени были отданы кому-то в тундру на выпас. Другой оседлый зырянин этой же деревни имел 15 оленей [19. Л. 21–21 об.]. В 1923 г. Рочеву Петру Федоровичу, проживавшему в дер. Лабытнанги, принадлежало 1 200 оленей [20. Л. 36 об.]. В 1927 г. в границах Мужевского сельсовета проживали семь старожилов, владевших стадами от 1 000 до 1 500 голов [21. Л. 6]. В 1930–1931 гг. в с. Кушеват Г.К. Карпов держал 11 оленей (5 «гужевых», 5 «важенок» и одного теленка). Девять ездовых оленей принадлежали другому жителю села, зырянину А.Ф. Истомину [22. Л. 5–6 об., 37–37 об.]. В 1931 г. охотовед С.С. Абрамович отмечал, что оленей в с. Кушеватском мало, а для их выпаса не отведено специальных угодий [23. Л. 3]. Понятно, что отсутствие специализированных угодий восполнялось выпасом оленей в тундре. Исключительно оленеводами были зыряне-кочевники, к которым и попадали на выпас олени оседлых соплеменников. В первой половине XIX в. их кочевья появляются за Уралом [13. С. 224–225]. Произошло это не случайно. Дело в том, что переселенцы-ижмцы донесли с Печоры до Нижнего Приобья волны демографического взрыва. Согласно сведениям «Обдорской приходской летописи», если с 1823 г. до второй половины 1850-х гг. рождаемость здесь перекрывала смертность вдвое, то с начала 1860-х, по крайней мере, до середины 1890-х – втрое [24. Л. 4 об., 28–29 об.; 25. С. 64]. Наверное, поэтому и в силу описанных выше миграционных процессов в 1880-е гг. наблюдается большой прирост поголовья оленей в Тобольской губернии, практически в два раза – от 125 565 голов в 1882 г. до 247 888 в 1888 г. [26. С. 78].

Таким образом, крупнотабунное оленеводство явилось единственной хозяйственной отраслью, способной прокормить быстрорастущее население. Район зырянских кочевок на Нижней Оби простирался от Урала до р. Надыма на востоке, а с юга на север от р. Ляпина до Байдарацкой губы. Как уже отмечалось выше, зырянское оленеводство отличалось от аборигенного принципиально. Ижемцы вели интенсивное оленеводческое хозяйство с целью получения оптимального выхода продукции для реализации на рынке. В обеспечение этой цели зыряне практиковали круглосуточное окарауливание стада, использовали оленегонную собаку [11. С. 72]. Оленеводы-ижмцы упорядочили сроки кочевания (весенние кочевки после таяния снега). Сроки массового забоя оленей были увязаны не с наибольшим весом животного, как у аборигенов, а с качеством мяса (молодого) и сезонным улучшением качества шкуры. Ежегодно ижемцы забивали примерно 1/5 часть стада, а аборигены – только то количество, которое было необходимо для удовлетворения их повседневных нужд [6. С. 114]. Еще один прием – оптимизация размеров стада до 500 голов, что было удобно при перекочевках. В начале 90-х гг. XIX в. у зырян было очень мало стад в 1–2 тыс. голов, и только одна семья владела стадом в 4 тыс. оленей [6. С. 113–114].

В 20-х гг. XX в. описанная специфика зырянского оленеводства в общих чертах сохранялась. Зыряне

придерживались сложившихся оптимальных размеров выпасаемого стада. Так, в 1924 г. через д. Лабытнанги далее в тундру на выпас оленей проследовали 43 семьи зырян-оленьеводов Обдорского района. Только два стада, принадлежавшие Филиппову Андрею Васильевичу и Терентьеву Ивану Григорьевичу, насчитывали по 500 голов. От 10 до 50 оленей имели 13 семей, от 60 до 100 держали 10 хозяйств, 15 семей обладали стадами оленей численностью от 100 до 250 голов, и у трех семей было по 300 оленей [27. Л. об., 2 об., 3 об., 4 об., 5 об., 6 об., 7 об.].

Есть основания полагать, что перечисленные выше хозяйства, имевшие менее 300 оленей, по прибытии к местам кочевий объединялись или присоединялись к хозяйствам с большим количеством оленей. Сведения о подобной кооперации имеются в этнографической литературе [13. С. 226]. Дело в том, что если стадо насчитывает менее 300 оленей, то кочевать становится трудно. Ездовых оленей в таком стаде мало, и нагрузка на них возрастает. От этого олени быстро теряют вес и трудоспособность [28. С. 71]. Относительно небольшие размеры стада помимо прочего позволяли до определенной степени снизить ущерб от эпизоотий. Сибирская язва, чума, «копытка» и ящур постоянно преследовали оленей. Но были годы, когда эти болезни приобретали характер эпизоотий, наносивших оленеводству катастрофический урон. Крупные падежи оленей были в 1848 и 1853 гг. «по преимуществу на Камне (вблизи Урала), в трех днях пути от Обдорска». В 1863 г. в Обдорском крае пало 50 тыс. оленей, в 1872 г. – 23 тыс., в 1896 г. – 100 тыс. Разразившаяся в 1903–1904 гг. эпизоотия унесла в низовьях Оби около 13 тыс. животных, еще от 30 до 50 тыс. пало в водоразделе Оби и Енисея. Катастрофические эпизоотии случались в 1911 и 1915 гг. При этом какая-либо ветеринарная помощь оленеводству отсутствовала вплоть до 1913 г. Для отдельного оленеводческого хозяйства эпизоотия могла закончиться полной катастрофой. Так, в 1904 г. в Ямальской тундре наблюдалась поголовная смертность стад в 500, 1 000, 2 500 и 3 000 голов [29. С. 6–11]. А от свирепствовавшей в тундре в 1922 г. «сибирки» погибали даже люди [30. Л. 4]. По-видимому, следствием этой катастрофы явились весьма скромные размеры стад оленеводов-зырян «Норинской местности» в 1923 г. Из 16 хозяйств только в трех имелось от 90 до 110 оленей, а у подавляющего большинства оленеводов – от 40 до 65 голов. Шесть оленеводов довольствовались соответственно 6, 7, 9, 18, 20, 200 оленями. Та же картина наблюдалась здесь у «оленьеводов-инородцев» [20. Л. 21–22]. Имелись и другие неблагоприятные для оленеводства экологические факторы.

Например, летом 1928 г. в Ямальской тундре было столько комаров, что «отмечались случаи, когда слабые олени гибли, измученные комарами» [30. Л. 161]. На юге региона дела обстояли не лучше: «В левобережной части в числе летних пастбищ включена пастбищная площадь равнинной части бассейнов рек Сыни, Войкара и Соби. Эти летние пастбища в настоящее время почти совершенно не используются местными оленеводами, так как для этого необходимо создание особого, приспособленного к таежным усло-

виям оленя. По уверению местных оленеводов, тундровый олень не в состоянии пастись в равнинной части в летнее время (причины – гнус)» [31. Л. 56]. На описанные выше вызовы оленевод-зырянин мог ответить только упорным трудом и детальным изучением природы своей новой родины – Северного Зауралья. Сами оленеводы называют этот комплекс природоведческих знаний «знанием оленей» и «знанием земли» [16. С. 25]. В 1933 г. лесоустроитель В. Гамазина записала в полевую тетрадь следующее наблюдения, сделанные оленеводами-коми над поведенческими установками оленей в зависимости от характера кормовых угодий: «На высоких озёрах есть трава, называемая по-зырянски “падись”... если олени нападут на неё, где её много, они делаются неузнаваемыми, сильно жиреют! <...> О грибах. Пастухи говорят, что они (олени. – С.Т.) любят грибы и в поисках за ними по ветру – к грибам он делает большое расстояние – уходит от стада до 1–1½ [км]. В это время оленя очень трудно пасти. По наблюдениям пастухов, грибы не дают нагула – упитанности оленям, а наоборот он теряет свою упитанность. Потерю упитанности пастухи приписывают тому, что в поисках за грибами он бегаёт и тратит на поиски много сил. Но есть такая трава, вернее корень, который очень любит олень и приобретает упитанность, и запах грибов его уже не привлекает. Его уже трудно оторвать от этого места и если его сгонишь, а он не весь съел корень, то обязательно придёт опять сюда. В такое время оленя пасти очень легко, он очень спокоен и быстро приобретает упитанность» [32. Л. 22 об. – 23 об., 32].

Этнографу Н.Ф. Прытковой также в 1930-х гг. на Казыме удалось ознакомиться с традиционными природоведческими знаниями зырян-оленьеводов: «При выборе пастбищ пастухи руководствуются целым рядом соображений: для отела выбирают места, защищенные от ветра; после отела держат стадо там, где меньше речек; летом предпочитают места, незащищенные от ветра, так как последний необходим в период “гноса”. Кроме того, летом выбирают так называемые хасырыйные пастбища. Трава “хасырый” предпочитается оленями и является очень питательной» [33].

В середине 1920-х гг. на Тобольском Севере у 496 зырянских оленеводческих хозяйств насчитывалось 69 900 оленей, что составляло 20,37% от общего поголовья оленей [13. С. 25]. Общее количество выпасаемых оленей, а также размеры отдельного стада определяли степень нагрузки на пастбищные угодья. Нагрузка эта была неравномерной потому, что для зырян-оленьеводов характерно кочевать из года в год по найденному маршруту [16. С. 31]. Отдельные пути зырянских кочевий можно проследить на основании соответствующих описаний, сделанных в начале 1930-х гг. Так, житель ю. Лабытнанги Иван Михайлович Артеев летом кочевал в верховьях р. Усы, по вершинам рек [Хайме] и [Пай-Падан]. Вся дорога обратно от р. Усы до Лабытнангов занимала у него 2 нед. Зимовал Артеев на р. [Сабытой] [34. Л. 27 об.]. В 1933 г. Ф.А. Витязев и В.И. Хатанзеев каслали по следующему маршруту. Летом они стояли на среднем течении р. Полуя, примерно в 20 км от устья. Здесь

чумы задерживались не более 2–3 нед. Затем уже на обратном пути устраивалось ещё две стоянки на р. Поюта. Здесь стояли 1–1½ нед., причём определенного места у стоянки не было. Далее двигались к верхнему течению р. [Хэн-Яга] и здесь находились 2–3 нед. Наконец, кочевали к р. [Тарчеда] на одну неделю [35. Л. 6]. Результатом интенсивного выпаса стало плачевное состояние растительного и почвенного покрова на описанных выше и других маршрутах кочевий в Уральской тундре в начале 1930-х гг. Чтобы было понятно, о каком именно районе идет речь, очертим границы Уральской тундры: «С востока границей служит р. Еркута, далее по водоразделу р. Щучья до р. Оби. С юга границей служит р. Обь до устья р. Хоровой и далее по р. Хоровой до Уральского хребта; с запада граница Уралобласти; с севера – юго-западное побережье Байдарацкой губы» [36. Л. 7].

Итак: «Ягельники в южной лесотундровой части Уральской тундры еще в довольно приличном состоянии лишь в некоторых местах. Наилучшие ягельные угодья расположены вдоль Уральского хребта в верховьях рек Щучья – [Ленгат]-Юган, доказательством чего может служить то, что именно в этих местах собирается наибольшее количество туземцев-оленьеводов на зимние кочевья. В гораздо худшем состоянии находятся ягельники по водоразделу Щучья – [Ленгот]-Юган, от среднего течения Щучьей до р. Оби. Объясняется это тем, что настоящий водораздел служит дорогой, по которой проходят кочевники-оленьеводы с зимних кочевий на вершине р. Полуя на летние по юго-западному побережью Байдарацкой губы и обратно. В таком же плохом состоянии находятся и ягельники по водоразделу Щучья – Хадота, служащему дорогой ямальским самоедам. Совершенно лишенными ягеля являются угодья, расположенные по среднему течению р. Щучьей вблизи от факторий. Эти угодья с давних пор беспощадно травились всеми оленеводами, проезжающими на фактории и в настоящее время ягельники, хотя и тоже уже сильно потравленные, встречаются не ближе как в 30–40 км. в радиусе от факторий» [Там же. Л. 14–15].

Таким образом, к началу 30-х гг. XX в. лучшие ягельники в Уральской тундре сохранялись «лишь в немногих местах». Однако причиной удручающего состояния угодий были все оленеводы тундры, и «туземцы» и «пришлые». Особенно плохо дела обстояли на так называемых оленеводческих дорогах. Такие дороги, помимо описанных выше, торились оленеводами

от Куновата до Обдорска сквозь тайгу и лесотундру по этническому принципу – «ненецкая дорога», «хантыйская дорога» и «зырянская». Просеки располагались на расстоянии 4–6 км одна от другой и насчитывалось их до десятка. Делалось это для того, чтобы во время перекочевков олени не перемешивались [5. С. 104; 37. С. 114]. Так, у кочующих оленеводов с. Мужы в 1932 г. имелось 17 992 оленя. Каждый год эта масса оленей прогонялась на зимние пастбища и обратно. В результате сложилась так называемая Войкарская оленеводческая дорога: «Возьмём к примеру Войкарскую оленеводческую дорогу, хотя та и является весенней и осенней прогонной дорогой, но в то же время, не имея отдыха больше 15–20 лет, превратилась в пустошь, то есть, короче говоря, вытравлена до основания. Такое явление наблюдается и на других дорогах, но не в такой степени» [31. Л. 4]. В литературе имеются сведения о якобы имевшем место быть намеренном хищническом использовании коми-ижемцами ягельных угодий, когда олени длительное время находились на одном пастбище и фактически уничтожали всю растительность и даже почвенный слой [38. С. 142]. Но данные сведения были записаны в конце XIX в. со слов самоедов Обдорского участка и, скорее всего, являются наветами, вызванными конкуренцией за угодья. Во всяком случае, по наблюдениям современных этнографов, ненцы-оленьеводы сами частенько подолгу выпасают оленей в одном месте, превращая тундру во «вспаханное поле» [39. С. 194].

Таким образом, решающую роль в становлении крупнотабунного оленеводства у коми-ижемцев и дальнейшем его распространении, в том числе и на территорию Северного Зауралья, в конечном счете, сыграло потепление климата. Зыряне-переселенцы добились впечатляющих хозяйственных успехов в немалой степени, благодаря накоплению знаний об особенностях климата, о животном и растительном мире, о повадках оленей. Однако развитие оленеводства сдерживалось рядом природных факторов. Серьёзные неудобства причинял «гну́с». Страшным бичом для оленьего поголовья являлись эпизоотии. В свою очередь оленеводство оказывало зримое давление на природную среду региона. Так, в описываемый период совместными усилиями оленеводов-зырян и оленеводов из числа коренных народов сильно были вытравлены ягельные угодья, особенно в местах традиционных кочевий и на так называемых оленеводческих дорогах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. : историко-этнографический очерк. Новосибирск : Наука, 1975. 308 с.
2. Иславин В. Самоеды в домашнем и семейном быту. СПб. : Типография Министерства государственных имуществ, 1847. 142 с.
3. Лашук Л.П. Формирование народности коми. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1972. 290 с.
4. Истомин М. Ижма // Архангельский сборник, или Материалы для подробного описания Архангельской губернии. Архангельск : Губернская типография, 1865. Ч. 1, Кн. 2. С. 132–140.
5. Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения: в 3 т. М. : Либерия, 1995. Т. 1. 376 с.
6. Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам: в 3 т. М. : Либерия, 1996. Т. 2. 432 с.
7. Малолетко А.М. Западная Сибирь в Малую ледниковую эпоху (1550–1850 гг.) // География и природопользование Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. Вып. 6. С. 8–25.
8. Жилина Т.Н. Западная Сибирь в малый ледниковый период: природа и русская колонизация (1550–1850 гг.). Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2008. 180 с.

9. Абдулаев М. Тараканий бег по Сибири за теплом. Как миграции тараканов, саранчи и крестьян позволяют уточнить датировку малого ледникового периода // «Чердак» научно-популярный проект (портал) ТАСС. М., 2019. URL: https://chrdk.ru/sci/tarakanii_beg_po_sibiri_zh_tepлом (дата обращения 21. 08. 2019.)
10. Жеребцов И.Л. Изменение климата и демографическая история Европейского севера // Российские и славянские исследования. Минск : Изд-во Белорус. гос. ун-та, 2010. Вып. 5. С. 64–72.
11. Конаков Н.Д., Котов О.В. Ижемцы в Мурманском Заполярье // Родники пармы. Сыктывкар : Коми книж. изд-во, 1989. С. 51–79.
12. Кабузан В.М. Движение населения Северного района (Архангельской и Вологодской губерний) в XVIII – первой половине XIX в. (по материалам ревизий) // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. Вып. 1. С. 84–89.
13. Повод Н.А. Оленеводство коми-ижемцев Северного Зауралья (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2006. № 6. С. 224–233.
14. Иевлев Д.Д. Жизнь Верхнеуссинского края и древний торговый путь через Северный Урал в низовья реки Оби. М. : Общество содействия успехам опытных наук и их практических применений им. Х.С. Леденцова, 1914. 30 с.
15. Научный архив Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (НА ТГИАМЗ) № 43. Энгельстрем С. Обдорская волость в 1885–1886 гг.
16. Истомин К.В. Этноэкологическая характеристика коми-ижемского оленеводства : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2004. 34 с.
17. Перевалова Е.В. Ямал в Российской империи // Ямал: грань веков и тысячелетий. Салехард ; Санкт-Петербург : Артвид ; Русская коллегия, 2000. С. 329–414.
18. Зольникова Н.Д. Ведомость 1781 г. о составе приходов Тобольской губернии // Христианство и церковь в Сибири феодального периода (материалы). Новосибирск : Наука, 1989. С. 261–315.
19. Государственный архив Ямало-Ненецкого автономного округа (далее – ГА ЯНАО). Ф. 16. Оп. 1. Д. 11.
20. ГА ЯНАО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 65.
21. ГА ЯНАО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 162.
22. ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 16.
23. ГА ЯНАО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 2.
24. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске. Ф. 704. Оп. 1. Д. 17.
25. Туров С.В. Старожилческое население Ямало-Ненецкого автономного округа: динамика и механизмы складывания субэтнической группы // Научный вестник. Обдорья: история, культура, современность. Салехард : Департамент информации и социально-политических исследований Администрации ЯНАО, 2002. Вып. 11. С. 54–64.
26. Конаков Н.Д., Котов О.В. Этноареальные группы коми: формирование и современное этнокультурное состояние. М. : Наука, 1991. 232 с.
27. ГА ЯНАО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 54.
28. Воронин И.М. Тундра и ее обитатели // Природа. 1901. № 7. С. 69–78.
29. Макаревский Ал. Значение оленеводства на Севере Тобольской губернии, эпизоотии оленей и борьба с ними // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск: Типография епархиального братства, 1907. Вып. XVI. 1906. С. 6–11.
30. ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 8.
31. ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 47.
32. ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 89.
33. Научный архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) (НА МАЭ) Ф. 18. Оп. 1. № 4. Прыткова Н.Ф. Материалы по оленеводству зырян (р. Казым).
34. ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 75.
35. ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 76.
36. ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 49.
37. Мартынова Е.П. Очерки истории и культуры хантов. М. : Изд-во ИЭА РАН, 1998. 236 с.
38. Бартев В.В. На крайнем Северо-Западе Сибири. Очерки Обдорского края // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX в. Екатеринбург : Сред.-Урал. книж. изд-во, 1998. С. 114–217.
39. Квашнин Ю.Н. Рец. на: Н.А. Повод. Коми Северного Зауралья (XIX – первая четверть XX в.). Новосибирск : Наука, 2006. 272 с. // Этнографическое обозрение. 2009. № 6. С. 192–195.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 сентября 2019 г.

Environmental Aspects of Reindeer Husbandry of the Izhma Komi of Northern Trans-Urals (The 19th – the First Third of the 20th Centuries)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 448, 172–178.

DOI: 10.17223/15617793/448/21

Sergei V. Turov, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: svtur57@mail.ru

Keywords: Izhma Komi; reindeerherding; naturalhistoryknowledge; environmental change; Little Ice Age.

The primary aim of the article is to identify environmental factors in the development of large-scale reindeer herding among Izhma Komi. The degree of adaptation of the Zyryan reindeer husbandry to the natural conditions of the Lower Ob river, including the body of natural history knowledge of reindeer herders, is also considered. The results of the interaction between the Zyryan large-herd reindeer husbandry and regional environment are studied. The method of environmental history in the study of the formation and development of local economic structures involves considering natural environment as a powerful and constantly changing factor rather than as a background. In this regard, the article draws on the data of paleoclimatology. The author also relies on data from ethnography, ethnic history, and historical demography. For the first time, documents from the local archives (Tobolsk, Salekhard) are introduced into scientific discourse. The materials of land surveying expeditions of the People's Commissariat for Agriculture of the late 1920s–1930s have the greatest heuristic value for studies on the Yamal-Nenets district. The decisive factor in the transition of Izhma Komi to nomadic reindeer husbandry was climate change. In the last third of the 18th century, the Russian North and the Northern Trans-Urals entered the ascendance phase (warming) of the Little Ice Age (LIA). Warming created favorable conditions for farming, which in turn caused demographic growth in the Komi region. These processes resulted in the migration of Komi, including Izhma Komi, to the new territories of the North, including the Lower Ob. However, the possibilities of the appropriating-producing economy of Izhma Komi remained limited. The solution was found in the transition to large-scale reindeer herding, which took place in the Pechora region almost simultaneously with the beginning of the ascending phase of LIA, in the middle and second half of the 18th century. Izhma Komi reindeer herders practiced intensive reindeer husbandry in order to obtain the greatest yield. On the way to achieving this goal, they faced a number of environmental problems. Epizootics harmed the deer greatly. During the period under consideration, there was no effective veterinary service in the Ob-Irtysh North. Gnats (mosquitoes, gadflies, midges) restrained rein-

deer husbandry in the forest and forest-tundra zones. Adaptation to the natural conditions of the reindeer herding complex took place primarily due to the accumulation of natural history knowledge ("knowledge of the land" and "knowledge of deer"). The Zyryan reindeer husbandry was of a pronounced commercial character. The increase in livestock and in the commercial output of reindeer husbandry was achieved due to the development of complex economic techniques. In historiography, there is an opinion that some of these methods led to the degradation of pasture lands. However, the joint efforts of all nomads of the tundra resulted in land degradation. By the beginning of the 1930s, the best reindeer pastures in the Ural tundra were destroyed. Reindeer herding roads were in particularly poor conditions. Numerous herds of Zyryan, Nenets and Khanty deer passed through these clearings in the forest in spring and autumn, literally sweeping away not only vegetation, but also the thin soil layer.

REFERENCES

1. Minenko, N.A. (1975) *Severo-Zapadnaya Sibir' v XVIII – pervoy polovine XIX v.: istoriko-etnograficheskiy ocherk* [North-Western Siberia in the 18th – the first half of the 19th centuries: A historical and ethnographic essay]. Novosibirsk: Nauka.
2. Islavin, V. (1847) *Samoe dy v domashnem i semeynom bytu* [Samoyeds in the home and family life]. St. Petersburg: Tipografiya Ministerstva gosudarstvennykh imushchestv.
3. Lashuk, L.P. (1972) *Formirovaniye narodnosti komi* [The formation of the Komi people]. Moscow: Moscow State University.
4. Istomin, M. (1865) Izhma [Izhma]. In: *Arkhangel'skiy sbornik, ili Materialy dlya podrobnogo opisaniya Arkhangel'skoy gubernii* [Arkhangelsk collection, or Materials for a detailed description of Arkhangelsk Province]. Pt. 1. Book 2. Arkhangelsk: Gubernskaya tipografiya. pp. 132–140.
5. Dunin-Gorkavich, A.A. (1995) *Tobol'skiy Sever. Obshchiy obzor strany, ee estestvennykh bogatstv i promyshlennoy deyatel'nosti naseleniya: v 3 t.* [The Tobol North. General overview of the country, its natural wealth and industrial activity of the population: in 3 vols]. Vol. 1. Moscow: Libereya.
6. Dunin-Gorkavich, A.A. (1996) *Tobol'skiy Sever. Geograficheskoe i statistiko-ekonomicheskoe opisanie strany po otdel'nym geograficheskim rayonam: v 3 t.* [The Tobol North. A geographic and statistical-economic description of the country by certain geographical areas: in 3 vols]. Vol. 2. Moscow: Libereya.
7. Maloletko, A.M. (2003) *Zapadnaya Sibir' v Maluyu lednikovuyu epokhu (1550–1850 gg.)* [Western Siberia in the Little Ice Age (1550–1850)]. In: Baryshnikov, G.Ya. (ed.) *Geografiya i prirodopol'zovanie Sibiri* [Geography and nature management of Siberia]. Is. 6. Barnaul: Altai State University. pp. 8–25.
8. Zhilina, T.N. (2008) *Zapadnaya Sibir' v malyy lednikovyy period: priroda i russkaya kolonizatsiya (1550–1850 gg.)* [Western Siberia in the Little Ice Age: Nature and Russian Colonization (1550–1850)]. Tomsk: Tomsk State University.
9. Abdulaev, M. (2019) *Tarakaniy beg po Sibiri za teplom. Kak migratsii tarakanov, saranchi i krest'yan pozvol'yayut utocnit' datirovku malogo lednikovogo perioda* [Cockroach running around Siberia for heat. How the migration of cockroaches, locusts and peasants allow us to clarify the dating of the Little Ice Age]. [Online] Available from: https://chrdr.ru/sci/tarakanii_beg_po_sibiri_za_tepлом. (Accessed: 21. 08. 2019).
10. Zhrebtsov, I.L. (2010) *Izmeneniye klimata i demograficheskaya istoriya Evropeyskogo severa* [Climate change and the demographic history of the European North]. In: *Rossiyskie i slavyanskije issledovaniya* [Russian and Slavic Studies]. Is. 5. Minsk: Belarusian State University. pp. 64–72.
11. Konakov, N.D. & Kotov, O.V. (1989) *Izhemtsy v Murmanskoy Zapolyar'e* [Izhma people in the Murmansk Arctic]. In: Rogachev, M.B. *Rodniki parmy* [Springs of Parma]. Syktyvkar: Komi knizh. izd-vo. pp. 51–79.
12. Kabuzan, V.M. (1970) *Dvizheniye naseleniya Severnogo rayona (Arkhangel'skoy i Vologodskoy guberniy) v XVIII – pervoy polovine XIX v. (po materialam reviziy)* [The movement of the population of the Northern region (Arkhangelsk and Vologda Provinces) in the 18th – first half of the 19th centuries (based on revisions)]. In: Kolesnikov, P.A. et al. (eds) *Materialy po istorii Evropeyskogo Severa SSSR* [Materials on the history of the European North of the USSR]. Is. 1. Vologda: [s.n.]. pp. 84–89.
13. Povod, N.A. (2006) *Olenevodstvo komi-izhemtsev Severnogo Zaural'ya (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Reindeer husbandry of the Izhma Komi of the Northern Trans-Urals (second half of the 19th – beginning of the 20th centuries)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 6. pp. 224–233.
14. Ievlev, D.D. (1914) *Zhizn' Verkhneussinskogo kraia i drevniy torgovyy put' cherez Severnyy Ural v nizov'ya reki Obi* [Life of the Verkhneussinsky Krai and the ancient trade route through the Northern Urals to the lower reaches of the Ob River]. Moscow: Obshchestvo sodeystviya uspekham opytnykh nauk i ikh prakticheskikh primeneniy im. Kh.S. Ledentsova.
15. Scientific Archive of the Tobolsk State Historical and Architectural Museum-Reserve (NA TGIAMZ). No. 43. Engestrem, S. *Obdorskaya volost' v 1885–1886 gg.* [Obdorsk volost in 1885–1886].
16. Istomin, K.V. (2004) *Etnoekologicheskaya kharakteristika komi-izhemtskogo olenevodstva* [Ethno-ecological characteristic of Izhma Komi reindeer husbandry]. Abstract of History Cand. Diss. Syktyvkar.
17. Perevalova, E.V. (2000) *Yamal v Rossiyskoy imperii [Yamal in the Russian Empire]*. In: Morozov, Yu. (ed.) *Yamal: gran' vekov i tysyacheletiy* [Yamal: The brink of centuries and millennia]. Salekhard; St. Petersburg: Artvid; Russkaya kollektsiya. pp. 329–414.
18. Zol'nikov, N.D. (1989) *Vedomost' 1781 g. o sostave prikhodov Tobol'skoy gubernii* [Bulletin of 1781 on the composition of the parishes of Tobolsk Province]. In: Pokrovskiy, N.N. (ed.) *Khristianstvo i tserkov' v Sibiri feodal'nogo perioda (materialy)* [Christianity and the church in the Siberian feudal period (materials)]. Novosibirsk: Nauka. pp. 261–315.
19. State Archive of Yamal-Nenets Autonomous Okrug (GA YaNAO). Fund 16. List 1. File 11. (In Russian).
20. State Archive of Yamal-Nenets Autonomous Okrug (GA YaNAO). Fund 5. List 1. File 65. (In Russian).
21. State Archive of Yamal-Nenets Autonomous Okrug (GA YaNAO). Fund 2. List 1. File 162. (In Russian).
22. State Archive of Yamal-Nenets Autonomous Okrug (GA YaNAO). Fund 12. List 1. File 16. (In Russian).
23. State Archive of Yamal-Nenets Autonomous Okrug (GA YaNAO). Fund 15. List 1. File 2. (In Russian).
24. State Archive in Tobolsk. Fund 704. List 1. File 17. (In Russian).
25. Turov, S.V. (2002) *Starozhil'cheskoe naseleniye Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga: dinamika i mekhanizmy skladyvaniya subetnicheskoy gruppy* [The old-timer population of Yamal-Nenets Autonomous Okrug: Dynamics and mechanisms of the formation of the sub-ethnic group]. *Nauchnyy vestnik. Obdoriya: istoriya, kul'tura, sovremennost'*. 11. pp. 54–64.
26. Konakov, N.D. & Kotov, O.V. (1991) *Etnoareal'nye gruppy komi: formirovaniye i sovremennoye etnokul'turnoe sostoyaniye* [Ethnoareal groups of Komi: Formation and modern ethnocultural state]. Moscow: Nauka.
27. State Archive of Yamal-Nenets Autonomous Okrug (GA YaNAO). Fund 2. List 1. File 54. (In Russian).
28. Voropay, I.M. (1901) *Tundra i ee obitateli* [Tundra and its inhabitants]. *Priroda i okhota*. 7. pp. 69–78.
29. Makarevskiy, A.I. (1907) *Znachenie olenevodstva na Severe Tobol'skoy gubernii, epizootii oleney i bor'ba s nimi* [The significance of reindeer husbandry in the North of Tobolsk Province, deer epizootics and the fight against them]. In: *Ezhegodnik Tobol'skogo gubernskogo muzeya* [Yearbook of the Tobolsk Provincial Museum]. Is. 16. Tobol'sk: Tipografiya eparkhial'nogo bratstva. pp. 6–11.
30. State Archive of Yamal-Nenets Autonomous Okrug (GA YaNAO). Fund 12. List 1. File 8. (In Russian).
31. State Archive of Yamal-Nenets Autonomous Okrug (GA YaNAO). Fund 12. List 1. File 47. (In Russian).
32. State Archive of Yamal-Nenets Autonomous Okrug (GA YaNAO). Fund 12. List 1. File 89. (In Russian).
33. Scientific Archive of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) (NA MAE) Fund 18. List 1. No. 4. Prytkova, N.F. *Materialy po olenevodstvu zyryan (r. Kazym)* [Materials on reindeer herding of the Zyryans (the Kazym river)].

34. State Archive of Yamal-Nenets Autonomous Okrug (GA YaNAO). Fund 12. List 1. File 75. (In Russian).
35. State Archive of Yamal-Nenets Autonomous Okrug (GA YaNAO). Fund 12. List 1. File 76. (In Russian).
36. State Archive of Yamal-Nenets Autonomous Okrug (GA YaNAO). Fund 12. List 1. File 49. (In Russian).
37. Martynova, E.P. (1998) *Ocherki istorii i kul'tury khantov* [Essays on the history and culture of the Khanty]. Moscow: IEA RAS.
38. Bartenev, V.V. (1998) Na kraynem Severo-Zapade Sibiri. Ocherki Obdorskogo kraya [In the far northwest of Siberia. Essays on the Obdorsk region]. In: Roshchevskaya, L.P. & Beloborodov, V.K. (eds) *Tobol'skiy Sever glazami politicheskikh ssyl'nykh XIX – nachala XX v.* [The Tobol North through the eyes of political exiles of the 19th – early 20th centuries]. Yekaterinburg: Sred.-Ural. knizh. Izd-vo. pp. 114–217.
39. Kvashnin, Yu.N. (2009) Rets. na: N.A. Povod. Komi Severnogo Zaural'ya (XIX – pervaya chetvert' XX v.). Novosibirsk: Nauka, 2006. 272 s. [Book Review: Povod, N.A. (2006) Komi of the Northern Trans-Urals (19th – the first quarter of the 20th centuries). Novosibirsk: Nauka. 272 p.]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 6. pp. 192–195.

Received: 26 September 2019